

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
РОССИЙСКОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
21 (84)

БЛИЖНИЙ ВОСТОК
И ИРАН

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ЛЕНИНГРАД • 1970

К ВОПРОСУ ОБ ИСТОЧНИКАХ ПОЭМ НИЗАМИ

Перед исследователями творчества Низами давно встал вопрос о том, какими материалами пользовался Низами при создании своих произведений. Это часть большой и важной темы о творческом методе Низами.

Работе Низами над поэмами предшествовало изучение разнообразных материалов. Комплекс его источников, как известно, был очень широк: сведения персидских и арабских исторических хроник, философские сочинения античных авторов, предания устного народного творчества.

Совершенно особый интерес представляет вопрос о том, с какими литературными произведениями был знаком Низами и как он оценивал их, какие произведения и герои привлекали его; не соприкасаются ли поэмы Низами какими-нибудь своими мотивами с произведениями художественной литературы, существовавшими до Низами, тем более что от домонгольского периода их сохранилось очень мало.

Установлено, что на первую поэму Низами „Сокровищница тайн“ оказала влияние „Хадикат ал-хака'ик“, дидактическая поэма газневидского автора XI в. Сана'и.

В основе третьей поэмы Низами лежит известное предание о Меджнуне и Лейли, существовавшее в арабском фольклоре и арабской классической литературе (в виде отдельных эпизодов).

Особенно часто в произведениях Низами — в поэмах „Хосров и Ширин“, „Семь красавиц“ и главным образом в „Искандер-намэ“ — упоминается Фирдоуси, в „Шах-намэ“ которого нашли отражение предания о Хосрове и Ширин, Бахрам Гуре и Александре Македонском.

В специальной статье „Низами и Фирдоуси“ Е. Э. Бертельс пишет, что многочисленные высказывания Низами о великом поэте свидетельствуют о том, что Низами был хорошо знаком с „Шах-намэ“, к Фирдоуси относился с почтением, хотя не всегда был согласен с его истолкованием фактов.¹

В поэмах Низами есть данные о том, как пользовался Низами теми литературными произведениями, в которых уже были разработаны темы, новое изложение которых он собирался дать в своих поэмах:

Не говори того, что сказал прежний мудрец,
ибо не годится сверлить два отверстия в (одной) жемчужине,

¹ Е. Э. Бертельс, Избранные труды (т. 2), М., 1962, стр. 360—393.

разве только в местах, связывающих мысль,
когда повторение становится неизбежным.
Раз в этом ремесле ты — новый водитель,
не следуй уже за теми, кто работал над этим раньше.²

Или говорил так:

Много старых сокровищ я достал
и украсил их новыми нукта.³

Когда в 1180 г., создавая свою поэму, Низами взялся за разработку предания о Хосрове и Ширин, имевшего за собой уже длинную историю,⁴ он знал и изложения предания о Хосрове и Ширин в „Шах-намэ“:

Мудрец, который изложил этот рассказ,
предание любви от них отбросил.
Так как на шестьдесят лет упала его жизнь,
то стрела выпала (у него) из шаста юности.
.....
.....
Не пересказывал я того, что сказал мудрец,
ибо неблагоприятно повторять уже сказанное.⁵

Из этих слов ясно, что Низами не собирался излагать события, описанные в „Шах-намэ“, где в центре предания стоит династийная история Хосрова Парвиза, а все внимание сосредоточил на любви Хосрова и Ширин, которую сделал темой своего произведения.

В XI в. в персидской литературе вслед за героическим эпосом Фирдоуси появилась романтическая поэма Гургани „Вис и Рамин“, написанная около 1042—1055 гг. Этой поэмой было положено начало персидского романтического эпоса.

На фоне зороастрийского сасанидского Ирана разворачивалось действие романа — любовные приключения и переживания Вис и Рамина; бранные подвиги, доблесть и героизм в романе были отодвинуты на второй план. Герои Гургани не отличались высокими моральными качествами; во имя любви они совершали клятвopеступления, изощрялись во лжи и обмане... В силу этого о романе Гургани сложилось представление как о произведении безнравственном.

Уже вскоре после своего появления роман приобрел широкую известность.

Акад. Н. Я. Марр в нескольких своих работах установил распространение романа „Вис и Рамин“ в Закавказье XII в., где он стал известен в грузинской версии „Висрамиани“. Либо в персидском оригинале, либо в грузинском переводе с романом познакомился Руставели, в произве-

² Перевод Е. Э. Бертельса (Избранные труды (т. 2), стр. 422).

³ Перевод Е. Э. Бертельса (там же, стр. 422).

⁴ Обзору работ, касающихся этой темы, в том числе исследований советских историков (Н. В. Пигулевской и других), посвящена работа Г. Ю. Алиева „Легенда о Хосрове и Ширин в литературах народов Востока“ (М., 1960).

⁵ Перевод Е. Э. Бертельса (Избранные труды (т. 2), стр. 364—365).

дении которого упоминаются имена героев Гургани и нашли отражение мысли этого автора.

Имена Вис и Рамина встречаются во многих произведениях персидской классической литературы. Низами знал „Вис и Рамин“ Гургани.

В тексте поэмы „Хосров и Ширин“ Низами упоминаются имена героев Гургани: трижды встречается имя Вис и по одному разу — Рамина и кормилицы Вис.

В главе „Михин-бану дает наставления Ширин“, где Михин-бану предостерегает племянницу от увлечения Хосровом, напоминая ей, что Хосров привык смотреть на женщину как на забаву, есть такой бейт:⁶

چو ویس از نیکنامی دور گردی
بزشتی در جهان مشهور گردی

Подобно Вис, ты станешь далека от чести,
позором прославишься в мире!

Вис и ее кормилица упоминаются в одном из бейтов, описывающих очарование Шекер, возлюбленной Хосрова:⁷

چو ویسه فتنه در شهید بوسی
چو دایه آیتی در چاپلوسی

Подобно Вис, (Шекер) — соблазн в медовых поцелуях,
подобно кормилице, она — чудо в умении польстить.

Имя Вис встречается и в главе „Хосров под предлогом охоты отправляется к замку Ширин“. Увидев с крыши замка приближающегося Хосрова, Ширин говорит:⁸

و گر ختی ز تندی راه گزدم
چو ویسه در جهان بدنام گزدم

Если я хоть немного смирю (свой) гнев,
я обесславлюсь в мире, подобно Вис.

Упоминается и имя Рамина:⁹

اگر خود آب حیوانی تو شیرین
ز مهрт سیر گردد همچو رامین

Ширин, если даже ты — сама вода жизни,
он (Хосров), подобно Рамину, пресытится твоей любовью.

Гургани и его роману „Вис и Рамин“ в „Истории персидской литературы“ посвятил специальный раздел Е. Э. Бертельс, заключив его словами: „Не случайно такой великий мастер слова, как Низами, в наиболее трагичной из своих поэм — в «Хосров и Ширин» — был не свободен от влияния поэмы Гургани и даже счел возможным повторить некоторые ее сцены“.¹⁰

⁶ Примеры даются со ссылкой на издание: „Хосров и Ширин“ В. Дастгирди, Тегеран, 1925, стр. 120, 11.

⁷ Там же, стр. 280, 15.

⁸ Там же, стр. 302, 9.

⁹ Там же, стр. 120.

¹⁰ Е. Э. Бертельс, Избранные труды (т. 1), М., 1960, стр. 285—286.

Можно предположить, что Е. Э. Бертельс имел в виду ту сцену в „Хосров и Ширин“, в которой изображен приезд Хосрова к замку Ширин и диалог героев поэмы.

В романе Гургани и в поэме Низами есть сцены, обращающие на себя внимание столь значительным сходством, что сюжет их может быть перенесен общей схемой.¹¹

После разлук и измен герои (Рамин и Хосров) приезжают к замкам своих прежних возлюбленных (Вис и Ширин). Стоя под стенами замков у запертых ворот, герои обращаются к возлюбленным с мольбами о прощении. Героини отвечают им упреками в жестокости и неверности и отказываются впустить их. Не получив прощения, герои поворачивают коней и уезжают.

В сюжетных построениях обеих поэм рассматриваемые эпизоды занимают одинаково значительные места: они находятся между самыми длительными разговорами и разлуками героев и их окончательным примирением и соединением, т. е. предшествуют развязкам поэмы.

Следует сказать и о том, что уже в главах, за которыми следуют эти эпизоды, у Гургани и Низами замечается известное сходство в развитии действия. Рамин, вынужденный расстаться с Вис, увлекается красавицей Гуль. Попытки Вис вернуть его себе не приводят к успеху. Но у Рамина быстро проходит увлечение Гуль, он вспоминает Вис и решает вернуться к ней.

В поэме Низами происходят более драматические события: умирает жена Хосрова Мариам, но вместо того, чтобы теперь ехать к Ширин, Хосров отправляется в Исфаган, узнав о тамошней красавице Шекер, и женится на ней. Очень скоро Хосров убеждается в том, что Шекер не заменит ему Ширин.

Таким образом, внутренний смысл событий, предшествовавших возвращению героев к их прежним возлюбленным, имеет много общего.

Завязки рассматриваемых эпизодов в обеих поэмах одинаковы: и Рамин, и Хосров, подъехав к замкам своих возлюбленных, оказались перед запертыми воротами. Впечатление сходства эпизодов усиливает еще одна специфическая черта: оба автора заставляют своих героев вернуться к возлюбленным зимой и во время непомерно долгих диалогов мокнуть и мерзнуть под дождем и снегом. В обеих поэмах этот момент сделан авторами с большим художественным и психологическим мастерством: к душевным страданиям своих легкомысленных и виноватых героев они прибавили жестокие мучения от холода (оба непрерывно жалуются любимым на страдания от непогоды, на Рамине к утру обледенела вся одежда).

Основной смысл рассматриваемых эпизодов сконцентрирован в диалогах героев (разговор Вис и Рамина состоит из 13 чередующихся ответов; Ширин и Хосрова — из 9): виноватые и молящие о прощении герои и оскорбленные, отказывающие в прощении героини обмениваются вза-

¹¹ „Хосров и Ширин“, стр. 256—347; „Вис и Рамин“, изд. Минови, Тегеран, 1937, стр. 413—449.

имными упреками, напоминая друг другу о своей любви и перенесенных страданиях.

Развязки эпизодов у обоих авторов одинаковы: длинные диалоги кончаются решительными отказами героинь простить своих возлюбленных. Они в гневе уходят, оставив Рамина и Хосрова ночью под дождем и снегом. Герои уныло уезжают от замков, проклиная своих жестокосердных подруг.

Так кончаются эти сцены, хотя некоторая общность в развитии действия наблюдается в поэмах безусловно и в дальнейшем.

Как видим, сходство в сюжетном построении рассмотренных эпизодов у Гургани и Низами столь значительно, что можно считать, что Низами в своей поэме в основных чертах воспроизвел сюжетную линию соответствующей сцены из поэмы Гургани. Это предположение находит себе дальнейшее подтверждение в нескольких случаях почти текстуального совпадения отдельных стихов. Приведем пять примеров.

В ответ на все жестокие слова и оскорбления Вис Рамин говорит:¹²

اگر تو بر کنی چشم از سر
به پیشی دستت آرم چشم دگر

Если ты выколешь один мой глаз,
я подставляю твоей руке другой глаз.

Хосров уверяет Ширин, что он весь принадлежит ей, и она может делать с ним все, что захочет:¹³

و اگر چشمم کنی سر پیشی دارم
پس این چشم دگر در پیشی آرم

Если ты выколешь мой глаз, я не отодвину голову,
после первого я подставляю другой глаз.

Упрекая возлюбленную в жестокости, Рамин напоминает сказанные ею слова:¹⁴

نه تو گفتی خداوندان فوهنگ
بماند آشتی را جای در جنگ

(Разве) ты не говорила, что разумные
в войне оставляют место миру.

Рамин повторяет слова Вис:¹⁵

بجنگ اندر خردمندی نکورای
بماند آشتی را لختی جای

Справедливый разумный
оставит в войне место миру.

¹² „Вис и Рамин“, стр. 441, 17.

¹³ „Хосров и Ширин“, стр. 313, 1.

¹⁴ „Вис и Рамин“, стр. 439, 14.

¹⁵ Там же, стр. 435, 10.

Хосров говорит Ширин: ¹⁶

نه دانشی باشد آنکسرا نه فرهنگ
که وقت آشتی پیش آورد جنگ
خردمندی که در جنگی نهد پای
بماند آشتی را در میان جای

1. Нет знания и разума у того,
кто во время мира выдвигает войну.
2. Разумный, который вступает в войну,
оставляет место миру.

Вис считает, что после всего происшедшего согласие с Рамином для нее невозможно: ¹⁷

کنون تو همچو آبی من چو آتش
تو بس رامی من بس تند و سرکش
نباشد زین سبسی با تو هماواز
نباشد آب و آتشی را بهم ساز

Ты теперь как вода, я — как огонь,
ты очень покорный, я очень резкая и непокорная.
Я потому не буду согласна с тобой,
что не бывает согласия у огня и воды.

В этом же смысле образ огня и воды использует Низами: ¹⁸

من آبی نام آب زندگانی
تو آتشی نام آن آتشی جوانی
نخواهم آب و آتشی در هم افتد
کز ایشان فتنهها در عالم افتد

1. Я — вода, имя которой жизнь.
Ты — огонь, имя которому молодость.
2. Я не хочу смешивать воду и огонь,
так как от них в мире произойдут волнения.

Рамин обращается к богу: ¹⁹

همی بینی مرا بیچاره مانده
ز خویش و آشنا آواره مانده

Ты видишь меня оставшимся несчастным,
чужим для родных и знакомых.

Ширин говорит Хосрову: ²⁰

بس آن کز بهر تو بیچاره گشتم
ز خان و مان خویش آواره گشتم

Достаточно того, что из-за тебя я стала несчастной,
стала чужой для своих близких.

¹⁶ „Хосров и Ширин“, стр. 329, 4—5.

¹⁷ „Вис и Рамин“, стр. 436, 4—5.

¹⁸ „Хосров и Ширин“, стр. 323, 9—10.

¹⁹ „Вис и Рамин“, стр. 423, 8.

²⁰ „Хосров и Ширин“, стр. 335, 3.

Рамин говорит: ²¹

کنون رفتم تو از من باش پدرود
همی زنی نوا گر ننگسلد رود

Теперь я ушел, будь мной благословенна,
играй (на руде), пока не ослабнут (струны) руда.

Ширин говорит: ²²

بیاد من که یاد این یاد پدرود
نوا خوش میزنی گر ننگسلد رود

В память обо мне, пусть будет эта память
благословенна,
ты будешь играть (на руде), если
не порвутся струны руда.

В двух случаях (втором и пятом) имеется даже совпадение рифмы. Впечатление еще более усиливается оттого, что обе поэмы написаны одним и тем же размером — „хазадж“, который роман Гургани в XI в. закрепил за жанром романтической поэмы.

Помимо текстуальных совпадений, можно заметить в эпизодах и многочисленные смысловые совпадения, особенно в речах Рамина и Хосрова, проистекающие не только из общности их положения (признают свою вину перед любимыми, молят их о милосердии и уверяют в своей постоянной преданности), но и из того, что в образах Рамина и Хосрова много общих черт: беспечность, эгоизм, легкомысленное отношение к любви. В словах Вис и Ширин таких совпадений меньше, что и понятно при большом различии, существующем между героиней Гургани и высоким, идеальным образом Ширин. Кстати сказать, приводившиеся выше свидетельства знакомства Низами с поэмой „Вис и Рамин“ показывают, что Низами имел самое ясное представление о нравственном облике героев Гургани, что он их видел типами в полной мере порочными, своего рода символами безнравственности.

Воспользовавшись сюжетным построением эпизода у своего предшественника, Низами взял из него только то, что в этом эпизоде соответствовало художественному замыслу его поэмы, характерам его героев. Этим объясняются и некоторые отличия в сюжетной схеме эпизода у Низами. Хосров едет к Ширин, охваченный внезапным порывом. Легкомысленный и увлекательный герой Низами способен именно на такой поступок, который к тому же естественно вытекает из всех его действий, предшествовавших возвращению к Ширин. Несколько видоизмененное Низами сюжетное построение в таком виде необычайно гармонирует с идейным содержанием эпизода и с образом его героя.

Непохоже ведут себя в этих эпизодах и героини. Постоянно притворяющаяся, лживая Вис, усыпив мужа, тайком выходит к окошку в башне дворца. Сделав вид, что она не замечает приехавшего Рамина, Вис об-

²¹ „Вис и Рамин“, стр. 445, 14.

²² „Хосров и Ширин“, стр. 324, 9.

ращается с упреками в неблагодарности к его коню, а потом начинает грубо требовать, чтобы Рамин оставил ее в покое и уезжал.

В эпизоде у Низами Ширин приготовила Хосрову торжественную встречу, расстелив на его пути ковры и поставив узорный шелковый шатер. Сама же поднялась на кровлю дворца и оттуда изысканно вежливо говорила с Хосровом, начиная все свои речи с пышных пожеланий шаху благоденствия и счастья, но решительно отказываясь впустить его в свой дворец.

Несмотря на то что выше приводились примеры текстуальных совпадений в рассматриваемых эпизодах, в них отчетливо видна разница между двумя поэтами: Низами — с его изощренным поэтическим мастерством, совершенством и сложностью поэтических приемов и Гургани — с его многословием и повторениями. Можно было бы привести примеры того, как в этих эпизодах растянутые рассуждения Гургани превращаются у Низами в один лаконичный выразительный бейт и как мысль, переданная Низами сложным поэтическим образом, всегда оказывается более глубокой и оригинальной, чем у Гургани.

В заключение следует сказать, что если Низами могла привлечь несложная, но создающая известное драматическое напряжение и интересная по построению сюжетная линия эпизода из романа „Вис и Рамин“ Гургани, которую он и использовал творчески при создании соответствующего раздела своей поэмы, то вряд ли его могло удовлетворить идейное содержание этого эпизода Гургани и его герои. И хотя в эпизоде Низами аналогичная ситуация: герой изменил и просит о прощении; героиня любит, верна и оскорблена изменой, содержание эпизода из „Хосров и Ширин“ существенно отличается от содержания соответствующего эпизода из поэмы Гургани, так как в поэме Низами, следовательно и в одном ее эпизоде, действуют другие герои и выражено другое мировоззрение.

Может быть, ни в каком другом эпизоде поэмы не проявилась так полно одна из сторон гуманистического мировоззрения Низами — новое понимание любви, которое он воплотил в поэме в высоком, идеальном образе Ширин.

G. I. Kostygova

ON SOME SOURCES OF NIZAMI'S POEMS

Nizami in his poem „Khosrow and Shirin“ mentions the names of Vis and Ramin, the main persons of Gurgani's poem. One of the episodes in Nizami's poem is much alike the corresponding episode of the poem „Vis and Ramin“, Nizami repeated in the whole the plot of this episode, but he gave it a new matter that corresponded to the conception of Nizami's poem, to the characters of his persons.